© Демичева Н.А.

DOI: 10.24412/2309-152-2024-3-22-33
УДК 34.01; 821.161.1

СВОЕОБРАЗИЕ ИСТОРИОСОФСКОЙ ПОЗИЦИИ Н.М. КАРАМЗИНА В ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ ОСМЫСЛЕНИЯ ПРИСОЕДИНЕНИЯ НОВГОРОДА К МОСКВЕ В 1471-1478 ГОДЫ[1]

Демичева Наталья Алексеевна,
кандидат филологических наук,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук
e-mail: natadem@bk.ru

Аннотация. В статье анализируется место Н.М. Карамзина в литературной традиции осмысления присоединение Новгорода к Москве в 1471-1478 гг., которое является важнейшим процессом, связанным с формированием единого Русского государства. Прослеживается возникновение и развитие этой темы в древнерусских летописных текстах, историографии и художественной литературе XVIII в., устанавливается степень их влияния на историософскую позицию Н.М. Карамзина и художественную интерпретацию событий 1471-1478 гг. Выявляется специфика его взглядов на становление российской государственности, оптимальную форму правления и исторические закономерности ее выбора. В соответствии с убеждениями Н.М. Карамзина, у России особый путь, отличный от европейских тенденций конца XVIII – начала XIX в. (революционные потрясения и т.д.), русский народ нуждается в сильной единоличной власти и может достичь благоденствия только в абсолютной монархии. В связи с этим включение Новгорода в состав Московского государства оценивается им положительно, представлено как историческая необходимость. Отмечается, что произведения Н.М. Карамзина значительно повлияли на последующие тексты XIX в., посвященные присоединению Новгорода к Москве. Консервативная тенденция, заложенная Н.М. Карамзиным, развивается в трагедиях П.И. Сумарокова, М.П. Погодина, Е.П. Ковалевского, Р.Д. Ступишина, в драмах В.И. Аскоченского, Н.П. Жандра, идеализация Новгорода как демократической республики проводилась в произведениях Ф.Ф. Иванова, К.Ф. Рылеева, А.И. Одоевского и других поэтов, на которых оказало влияние мировоззрение декабристов.

Ключевые слова: становление российской государственности, присоединение Новгорода к Москве, историософия Карамзина, произведения о Марфе Посаднице.

Присоединение Новгорода к Москве в 1471-1478 гг. является важнейшим процессом, связанным с формированием единого Русского государства и проходившим в три этапа:

[1] Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 17-18-01432-П).

1) поход Ивана III 1471 г., который закончился поражением новгородцев и Коростынским миром, существенно ограничившим суверенитет Новгорода;

2) поход 1475-1476 гг. (так называемый поход «миром», который по сообщениям новгородских и псковских источников был отнюдь не мирным), во время которого великий князь уже пытался управлять Новгородской землей как частью Русского государства, осуществлял «суд и управу»;

3) заключительный поход 1477-1478 гг., результатом которого стала ликвидация вечевого устройства Новгорода[1].

В связи с особой политической и исторической значимостью это событие отразилось как в древнерусской словесности, так и в более поздних текстах. Оно занимает существенное место в различных историософских построениях, в которых осмысляется путь России, оптимальные для нее форма правления и политический режим.

Включение Новгородской земли в состав Московского государства оценивалось в древнерусской книжности неоднозначно: в летописных текстах, посвященных данному процессу, отражены московская, новгородская и псковская точки зрения[2]. Однако в наибольшем количестве произведений представлена московская позиция относительно данного события, в них акцент делается на законности власти великого князя в Новгороде, используются различные средства легитимизации его походов 1471-1478 гг.[3] Такая интерпретация присоединения Новгорода к Москве оставалась актуальной и после смерти Ивана III, использовалась для обоснования деятельности последующих «собирателей русских земель» и укрепителей самодержавия. В частности, в «Истории о Казанском царстве» – монументальной исторической повести второй половины XVI в., посвященной русско-татарским взаимоотношениям, – сюжет о взятии Новгорода вписывается в контекст деятельности Ивана IV, внука Ивана III (расширение территории за счет победы над Новгородом соотносится с присоединением Казанского ханства). С помощью него показана преемственность московских правителей в политике

[1] См. подробнее: Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV-XV вв. Очерки по социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 855-874; Демичева Н.А. Древнерусские произведения о включении Северо-Западных земель в состав Московского государства: проблематика, текстология, стиль: дис. … канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2020. С. 56-142.

[2] См.: Демичева Н.А. Древнерусские произведения о включении Северо-Западных земель в состав Московского государства: проблематика, текстология, стиль: дис. … канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2020. С. 56-142.

[3] См.: Демичева Н.А. Легитимизация присоединения Новгородской земли к Москве в московском летописании XV-XVI вв. // История государства и права. 2014. № 17. С. 16–22.

формирования централизованного государства с сильной великокняжеской властью.

Составителю Краткого московского летописца начала XVII в., который был книжником из «круга столичных церковников, убежденных сторонников единодержавия, проповедников величия России, Москвы, ее “царского корени”, его богоизбранности»[1], сюжеты о новгородских походах Ивана III также были важны в связи с идеей создания и функционирования единого Русского государства с центром в Москве. Отметим, что в этом литературном памятнике, как и в ряде других произведений XVI-XVII вв. актуализирована историософская концепция, в рамках которой московские правители позиционируются как наследники власти римских и византийских императоров, а Москва – как оплот православия[2].

Историографы XVIII в. также интерпретировали присоединение Иваном III Новгорода к Москве как одно из ключевых событий в истории становления российской государственности. В основном, они опирались на летописные тексты, отражающие московскую точку зрения на события 1471-1478 гг., и их работы во многом заимствовали оценки, которые уже были заложены в самих источниках. При этом данная позиция была связана и с общественно-политическим контекстом XVIII в.: интересом к идеям европейского Просвещения, попыткой их реализации в рамках политики просвещенного абсолютизма Екатерины II, формированием национального самосознания и государственной идеологии и поиском релевантных для этого идей и примеров в историческом прошлом[3]. В сочинениях В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова, М.М. Щербатова и др. самодержавие представлено как единственно верная форма правления, а вечевое устройство Новгорода, его независимость от великокняжеской власти – как дестабилизирующий фактор, мешающий процветанию русских земель, в связи с чем включение Новгорода в состав Московского государства оценивается как необходимая и прогрессивная мера[4].

---

[1] Буганов В.И., Рогожин Н.М. Краткий московский летописец начала XVII в. из г. Галле (Германия) // Архив русской истории. Вып. 8. М., 2007. С. 534.

[2] См., напр.: Синицына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. (XV-XVI вв.). М., 1998; Сиренов А.В. Русское историописание XV-XVII вв.: в поисках «своей истории» // Нарративы руси конца XV – середины XVIII в.: в поисках своей истории / отв. сост., отв. ред. серии А.В. Доронин. М., 2018. С. 59–79.

[3] Об этом также см.: Абраменко В.А. Образ Великого Новгорода в общественной мысли России (XVIII – начало XX вв.): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. Ростов-на-Дону, 2010. С. 39-41.

[4] См. подробнее, напр.: Абраменко В.А. Образ Великого Новгорода в общественной мысли России (XVIII – начало XX вв.): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. Ростов-на-Дону, 2010. С. 47-48; Рукавичникова В.В. История древнего Новгорода в русской литературе XVIII – первой трети XIX века: дис. … канд. филол. наук: 10.01.01. Великий Новгород, 2001. С. 29-31

В художественных произведениях XVIII в. сюжет о присоединении Новгорода к Москве не был особо популярен[1]. В данном контексте заслуживает внимание творчество А.Н. Радищева, в частности глава «Новгород» в «Путешествии из Петербурга в Москву» (1790), а также стихотворная повесть М.М. Хераскова «Царь, или Спасенный Новгород» (1800). В произведении М.М. Хераскова интересующая нас тема затронута лишь вскользь[2], в основе сюжета – легендарные события IX в., связанные с призванием Рюрика и противостоянием ему Вадима Новгородского. Как отмечала А.В. Семенова, писатель «…руководствовался задачей донести до читателя мысль о вреде свободы и равенства, приведших Францию к хаосу и способных спровоцировать еще один мятеж в России. Кроме того, Херасков убеждал современников и потомков в необходимости почитать монарха как отца, ибо лишь при справедливом самодержце народ и страна процветают»[3]. О событиях 1471-1478 гг. упоминается в последней части произведения, в которой аллегорическая фигура России рассказывает Рюрику о грядущем вплоть до правления Павла I. В этой речи подчеркивается необходимость для государства сильной единоличной власти («Нельзя мне без верховной Власти, // Рекла Россия, процветать; // Ни Трона Царского на части // Во мне не должно раздроблять: – <…> А безначальство – корень зла!»[4]), а сопротивление Новгорода охарактеризовано как неразумное, преступное деяние, мятеж («Но смутный Новгород забудет // Бурливый бег мятежных лет; // Посаднице послушен будет, // От царской власти отпадет. // Рассудок гаснет в человеке!»[5]). Такое отношения к включению Новгородской земли в состав Московского государства в контексте апологии самодержавию вполне соотносится с идеологией Екатерины II и историографической традицией XVIII в.

---

[1] В тот время внимание писателей в большей мере привлекала история зарождения государства, противостояния Рюрика и Вадима Новгородского (см.: Рукавичникова В.В. История древнего Новгорода в русской литературе XVIII – первой трети XIX века: дис. … канд. филол. наук: 10.01.01. Великий Новгород, 2001. С. 54-87; Артамонов Д.С. Вадим Новгородский: вымысел историков и интерпретация литераторов XVIII-XIX вв. // Люди и тексты. Исторический альманах. Вып. 10: Историческая беллетристика. М., 2017. С. 155-177).

[2] Это было отмечено в статье Л.Г. Фризмана (см.: Фризман Л.Г. Тема Марфы Посадницы и драма Погодина // Погодин М.П. Марфа, Посадница Новгородская / изд. подгот. Л.Г. Фризман, К.В. Бондарь. М., 2015. С. 255–256).

[3] Семенова А.В. «Российская история в поэмах М.М. Хераскова “Россияда”, “Владимир”, “Царь, или Спасенный Новгород”». Нур-Султан, 2021. С. 188.

[4] Херасков М.М. Царь, или Спасенный Новгород: стихотворная повесть. М., 1800. С. 236. Здесь и далее дореволюционный текст дается в современной орфографии – *Н.Д.*

[5] Там же. С. 237.

С иной точки зрения смотрит на это А.Н. Радищев, для которого новгородцы не бунтовщики, предавшие своего законного правителя, а защитники вольности, своего исконного республиканского устройства («Известно, по летописям, что Новгород имел народное правление. <…> Народ в собрании своем на вече, был истинный Государь. <…> Сие вольное Государство…»[1]). Присоединение Новгорода к Москве охарактеризовано как насильственное подчинение независимого государства, указывается, что московский князь (в данном тексте фигура Ивана III смешивается с образом Ивана IV[2]) действует не по праву, а с позиции силы («Внутренния несогласия и хищной сосед совершили его падение. <…> Уязъвленный сопротивлением сея республики, сей гордый, зверский, но умный властитель, хотел ее раззорить до основания. <…> Но на что право, когда действует сила?»[3]). Позиция А.Н. Радищева относительно правильного развития России существенно отличается от других: для него «ценностью являлась свобода, носителем которой был по его мнению, вольный Новгород, в отличие от Москвы с ее самодержавием»[4].

Наибольшее развитие тема присоединения Новгорода к Москве получила в художественных произведениях XIX в. (насчитывается более трех десятков текстов об этих событиях). Важно отметить, что русская литература этого периода характеризуется тесной взаимосвязью с философской мыслью, является «…подлинным методом отечественного философствования, синтетической формой национального самосознания»[5]. самосознания»[5]. В связи с эти данный сюжет привлекал авторов, поскольку мог быть интерпретирован различным образом и стать материалом, на котором они могли продемонстрировать свои представления об историческом пути России, об оптимальном, на их взгляд, государственном устройстве, взаимодействии власти и народа.

---

[1] Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. Т. 1. М.; Л., 1938. С. 262-263.

[2] Об этом см., напр.: Абраменко В.А. Образ Великого Новгорода в общественной мысли России (XVIII – начало XX вв.): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. Ростов-на-Дону, 2010. С. 72-73; Ткаченко В.В. Великий Новгород и его история глазами путешественников XVIII в. // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 2. С. 94-104; Рукавичникова В.В. История древнего Новгорода в русской литературе XVIII – первой трети XIX века: дис. … канд. филол. наук: 10.01.01. Великий Новгород, 2001. С. 128-130.

[3] Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. Т. 1. М.; Л., 1938. С. 263.

[4] Абраменко В.А. Образ Великого Новгорода в общественной мысли России (XVIII – начало XX вв.): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. Ростов-на-Дону, 2010. С. 73.

[5] Тахо-Годи Е.А. О книге и ее задачах. Предисловие // Русская литература и философия: философия: пути взаимодействия / отв. ред. и сост. Е.А. Тахо-Годи. М., 2018. С. 10.

Н.М. Карамзин первым создал художественное произведение, посвященное непосредственно присоединению Новгорода к Москве, и оказал значительное влияние на всю последующую литературную традицию осмысления событий 1471-1478 гг. Отметим, что этот сюжет интересовал и волновал его и как писателя, и как историографа. Н.М. Карамзин обращался к теме включения Новгородской земли в состав Московского государства в трех своих текстах: 1) исторической повести «Марфа-Посадница, или Покорение Новагорода» (1802, опубл. в 1803); 2) заметке «Известие о Марфе Посаднице, взятое из жития св. Зосимы» (опубл. в 1803); 3) «Истории государства Российского» (6-й том, опубл. в 1818).

Мировоззрение Н.М. Карамзина в начале XIX в. претерпевало серьезные изменения, в нем наблюдался, как отмечал Ю.М. Лотман, переход «от дворянского либерализма к умеренному консерватизму»[1]. Он вслед за историографией XVIII в. считал самодержавие идеальной формой правления для России, был убежден в необходимости «сильной монархической власти, заменяющей необходимость внутреннего морального императива внешним императивом силы»[2]. Н.М. Карамзин вписывает Россию в европейский контекст, но только в тот, который иллюстрирует его взгляды на верное развитие российской государственности. Так, в издаваемом им журнале «Вестник Европы» зарубежный материал подобран таким образом, чтобы убедить читателя в правильности убеждений редактора относительно внутренней политики («сохранение неограниченной монархии, отказ от государственных преобразований, пропаганда народного просвещения»[3]). В «Истории государства Российского» также неоднократно встречаются цитаты из европейских источников, сопоставления процессов создания централизованных государств XV в. в России и европейских государствах («Иоанн явился на феатре политическом в то время, когда новая государственная система вместе с новым могуществом Государей возникала в целой Европе на развалинах системы Феодальной или Поместной. Власть Королевская усилилась в Англии, во Франции. Испания, свободная от ига Мавров, сделалась первостепенною Державою. Португалия цвела, приобретая богатства успехами мореплавания и важными для торговли…»[4]). При этом в соответствии с историософской позицией Н.М. Карамзина у России свой, особый путь, отличный от европейских тенденций конца XVIII – начала XIX в. (революционные

[1] Лотман Ю.М. Эволюция мировоззрения Карамзина (1789–1803) // Лотман Ю.М. Карамзин. СПб.: Искусство–СПБ, 1997. С. 333.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 339.
[4] Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. VI. М., 1998. С. 207.

потрясения и т.д.), ей для процветания крайне необходима сильная единоличная власть.

В данной концепции деятельность Ивана III, связанная с собиранием русских земель и укреплением великокняжеской власти, приобретает исключительное значение. Н.М. Карамзин называет данного правителя «первым, истинным Самодержцем России»[1], «Героем не только Российской, но и Всемирной Истории»[2].

В связи с вышесказанным, присоединение Новгорода к Москве, которое является одним из этапов процесса создания централизованного Русского государства, предстает в повести «Марфа-Посадница, или Покорение Новагорода» и в «Истории государства Российского» как историческая необходимость, оценивается положительно. При этом подчеркивается ум, мудрость Ивана III, которые связываются с достижением блага для государства («Мудрый Иоанн должен был для славы и силы отечества присоединить область Новогородскую к своей державе: хвала ему!»[3], «…История должна прославить в сем случае ум Иоанна, ибо государственная мудрость предписывала ему усилить Россию твердым соединением частей в целое, чтобы она достигла независимости и величия…»[4]).

По представлениям Н.М. Карамзина, имеющим свои истоки в идеологии Просвещения, главная цель правителя – обеспечить процветание своего государства и благо своего народа, что наиболее реализуемо при монархическом строе[5]. Политика Ивана III, по его логике, как раз способствовала достижению этого блага, Москва позиционировалась как оплот самодержавия, именно с ней был связан исторический путь России.

К другой стороне конфликта – к Новгороду и его жителям – в сочинениях Н.М. Карамзина обнаруживается амбивалентное отношение. В «Истории государства Российского» историограф опирается в основном на летописные произведения, отражающие московскую точку зрения на события 1471-1478 гг., и заимствует из них отрицательные образы новгородцев и другие приемы легитимизации походов Ивана III, несколько адаптируя в соответствии со своей историософской концепцией. В частности, он использует произведение церковного происхождения «Словеса избранна от Святых Писаний…», в котором в качестве антагониста выступает Марфа Борецкая. Н.М. Карамзин вслед за

[1] Там же. С. 211.
[2] Там же. С. 207.
[3] Карамзин Н.М. Марфа-Посадница, или покорение Новагорода. Историческая повесть // Карамзин Н.М. Избранные сочинения: в 2 т. Т. 1. М.; Л., 1964. С. 680.
[4] Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. VI. М., 1998. С. 85.
[5] См.: Казаков Р.Б. Приемы историописания в исторических сочинениях Н.М. Карамзина: препринт WP19/2013/02. М., 2013. С. 10-16.

древнерусским источником характеризует ее как предводительницу изменников, готовую из-за своего честолюбия и жажды власти отступить от православной веры, заключить договор с правителем Литвы и Польши, подвергнуть опасности новгородцев.

В исследовательской литературе справедливо отмечались значительные отличия в образе Марфы Борецкой (и новгородцев в целом) в «Истории государства Российского» и в повести «Марфа-Посадница, или Покорение Новагорода»[1]. В художественном тексте он «…признает, что у каждой из противодействующих сторон своя правда…»[2], заметна явная симпатия автора по отношению к новгородцам, сражавшимся «…за древние свои уставы и права, данные им отчасти самими великими князьями, например Ярославом, утвердителен их вольности»[3]. Их предводительница, которая была выведена в повести на первый план, охарактеризована как лидер, «страстная, пылкая, умная» женщина, обладающая «выдающимся умом»[4], готовая самоотверженно бороться за независимость Новгорода. Ее образ во многом идеализирован, сближается с героями классицистических трагедий и романтических произведений[5]. Следует отметить, что Н.М. Карамзин на примере Марфы Борецкой поднимает вопрос о роли женщин в истории России[6].

Н.М. Карамзин, как ранее и А.Н. Радищев, соотносит Новгород с античной демократической республикой, на что указывают сопоставление в предисловии Марфы с Катоном («И летописи и старинные песни отдают справедливость великому уму Марфы Борецкой, сей чудной женщины, которая умела овладеть народом и хотела (весьма некстати!) быть Катоном своей республики»[7]), использование таких лексем как «легион», «колесница», «гражданин». Кроме того, в тексте содержатся явные

[1] См., напр.: Кошелев В.А. «И Марфы беспокойный ум…» Облик Марфы Посадницы в русской словесности // Новгородский край в русской литературе / отв. ред. В.А. Кошелев. Великий Новгород, 2009. С. 372-396; Фризман Л.Г. Марфа Посадница в русской литературе // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2014. Т. 73. № 2. С. 20-33.

[2] Фризман Л.Г. Марфа Посадница в русской литературе // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2014. Т. 73. № 2. С. 20.

[3] Карамзин Н.М. Марфа-Посадница, или покорение Новагорода. Историческая повесть // Карамзин Н.М. Избранные сочинения: в 2 т. Т. 1. М.; Л., 1964. С. 680.

[4] Там же. С. 680-681.

[5] Демичева Н.А. Образ Марфы Борецкой в историософской концепции Н.М. Карамзина // Человек и общество в противоречиях и согласии: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. Н. Новгород, 2021. С. 31-35.

[6] Карамзин Н.М. Известие о Марфе Посаднице, взятое из жития св. Зосимы // Карамзин Н.М. Избранные сочинения: в 2 т. Т. 2. М.; Л.: Худож. лит., 1964. С. 227–331.

[7] Карамзин Н.М. Марфа-Посадница, или покорение Новагорода. Историческая повесть // Карамзин Н.М. Избранные сочинения: в 2 т. Т. 1. М.; Л., 1964. С. 680-681.

отсылки к Великой французской революции (например, упоминание якобинцев в предисловии повести, «эшафота» – в финале произведения). Отметим также, что тема присоединения Новгорода к Москве перекликается с сюжетом о Вадиме Новгородском[1]: и там, и там реализуется тема борьбы самодержавия и республиканской вольности; в повести «Марфа-Посадница, или Покорение Новагорода» постоянно (более 30 раз) упоминается Вадим, Вадимово место, его статуя.

Несмотря на сопереживание Н.М. Карамзина, стоявшего ранее на либеральных позициях, Новгороду, республика для него является невозможной формой правления в России, поскольку частные интересы, по его мнению, не могут конкурировать с государственными и национальными. Как выразился П.А. Орлов, «своеобразие повести Карамзина состоит в том, что симпатии к Новгороду и республиканским порядкам не мешают автору оправдывать завоевание его Москвой, а прославление политики Ивана III не исключает сочувствия новгородцам»[2]. В связи с вышесказанным, становится понятно, почему, несмотря на все достоинства Марфы Борецкой, автор отказывается назвать ее «великой и добродетельной женщиной»: она не могла обеспечить благоденствие всего русского народа, была ориентирована на идеалы и интересы ограниченной группы людей, а не всего русского народа.

На тексты Н.М. Карамзина опирались в той или иной мере опирались практически все литераторы, обращавшиеся к проблеме присоединения Новгорода к Москве, вне зависимости от их историософских представлений и общественно-политических взглядов.

Консервативная тенденция, заложенная Н.М. Карамзиным при трактовке событий 1471-1478 гг., получила развитие в ряде посвященных этой теме художественных произведений XIX в., в том числе в трагедиях П.И. Сумарокова, М.П. Погодина, Е.П. Ковалевского, Р.Д. Ступишина, в драмах В.И. Аскоченского, Н.П. Жандра. В них покорение Новгорода Ивану III представлено как необходимая мера, без которой невозможно процветание Русского государства (показательны, например, строки из финала трагедии Р.Д. Ступишина «Марфа-посадница, или Покорение Новгорода» (1869): «Новгорожане! знаю хорошо, // <…> Вам жаль расстаться с вольностью своей, // <…> Пройдут века – и будет прославлять // Народ весь русский этот день великий! // Не уничтожь я в Новгороде вольность – // Россия никогда бы не могла // Достигнуть славы

[1] Как мы отмечали ранее соединение этих тем в одном произведении наблюдалось в творчестве М.М. Хераскова.

[2] Орлов П.А. История русской литературы XVIII века. М., 1991. С. 281.

той, того величья, // Которые теперь ей предстоят...»[1]). Тем самым эти авторы, как и Н.М. Карамзин, противопоставляют демократическое и самодержавное начала, оценивая последнее как наиболее подходящее для России.

В произведениях П.И. Сумарокова («Марфа Посадница, или Покорение Новаграда», 1807), Е.П. Ковалевского («Марфа Посадница, или Славянские жены», 1832), Н.П. Жандра («Марфа Посадница, 1874) образ Марфы Борецкой дегероизируется за счет использования информации о ней из «Истории государства Российского», источником которой является древнерусский промосковский текст. Она изображена как в этих пьесах как лицемерный, беспринципный человек, готовый предать свою веру и родину ради власти (см., например, речь Марфы в исторической трагедии Е.П. Ковалевского «О, хоть час, хоть миг прожить // В венце и в багрянице Иоанна – // И умереть потом!.. <…> Когда б венец державный Мономаха // Был раскален в горниле ада, о! // Я и тогда б главу им облачила»[2]). В финале произведения Н.П. Жандра Марфа Борецкая падает перед Иваном III на колени и раскаивается в своих грехах. В связи с такой трансформацией главной героини, которая у Н.М. Карамзина была олицетворением республиканских идеалов, в этих пьесах дискредитируется сама идея республики, а также связанные с ней ценности.

В произведениях М.П. Погодина («Марфа, Посадница Новгородская», 1829–1830 гг., опубл. в 1831 г.) и В.И. Аскоченского («Марфа Посадница, или Падение Новгорода», 1870) выбор самодержавия и дальнейшего пути развития осуществляет сам народ, являющийся, в соответствии с философско-историческими представлениями авторов, основной движущей силой исторического процесса: «…правда Иоанна торжествует над правдой Марфы, и это подтверждается тем, что меняется “мнение народное” и новгородцы признают власть Московского князя над своим городом»[3].

Образы вольного республиканского Новгорода и Марфы Посадницы – самоотверженной защитницы свободы, созданные Н.М. Карамзиным, оказались востребованными у писателей, имевших либерально-демократические взгляды: Ф.Ф. Иванова, К.Ф. Рылеева, А.И. Одоевского, Э.И. Губера, Л.А. Мея и др. Новгородская республика в

[1] Цит. по: Фризман Л.Г. Тема Марфы Посадницы и драма Погодина // Погодин М.П. Марфа, Посадница Новгородская / изд. подгот. Л.Г. Фризман, К.В. Бондарь. М., 2015. С. 325.

[2] Ковалевский Е. Марфа Посадница, или Славянские жены. Историческая трагедия в пяти действиях в стихах. СПб., 1832. С. 43-44.

[3] Фризман Л.Г. Тема Марфы Посадницы и драма Погодина // Погодин М.П. Марфа, Посадница Новгородская / изд. подгот. Л.Г. Фризман, К.В. Бондарь. М., 2015. С. 326.

их текстах идеализируется, а ее присоединение к Москве воспринимается не как историческая необходимость и прогрессивный шаг для создания мощного государства и достижения благоденствия народа, а как трагедия, произвол самодержавного деспотизма[1].

Таким образом, включение Новгородской земли в состав Московского государства имеет многовековую историю литературного осмысления, поскольку воспринималось как одно из ключевых, переломных событий в российской истории. Важнейшей фигурой в данном контексте является Н.М. Карамзин, который высоко оценивал деятельность Ивана III, связанную с собиранием русских земель и созданием централизованного государства. Это обусловлено его историософской позицией, в соответствии с которой у русского народа есть потребность в сильной единоличной власти, вследствие чего естественной и правильной формой правления для России является абсолютная монархия. При этом в повести «Марфа-Посадница, или Покорение Новагорода» создаются привлекательные образы вечевой республики и героини, отстаивающей свободу, независимость своей земли. Благодаря этому произведение Н.М. Карамзина оказало влияние на приверженцев самодержавия, но и на авторов, придерживавшихся противоположных взглядов.

Библиографический список

1. Абраменко В.А. Образ Великого Новгорода в общественной мысли России (XVIII – начало XX вв.): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. Ростов-на-Дону, 2010. – 304 с.

2. Артамонов Д.С. Вадим Новгородский: вымысел историков и интерпретация литераторов XVIII-XIX вв. // Люди и тексты. Исторический альманах. Вып. 10: Историческая беллетристика. М.: ИВИ РАН, 2017. С. 155-177.

3. Буганов В.И., Рогожин Н.М. Краткий московский летописец начала XVII в. из г. Галле (Германия) // Архив русской истории. Вып. 8. М.: Древлехранилище, 2007. С. 519–573.

4. Демичева Н.А. Образ Марфы Борецкой в историософской концепции Н.М. Карамзина // Человек и общество в противоречиях и согласии: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. Н. Новгород: Гладкова О.В., 2021. С. 31-35.

5. Демичева Н.А. Древнерусские произведения о включении Северо-Западных земель в состав Московского государства: проблематика, текстология, стиль: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2020. – 237 с.

6. Демичева Н.А. Легитимизация присоединения Новгородской земли к Москве в московском летописании XV-XVI вв. // История государства и права. 2014. № 17. С. 16–22.

7. Казаков Р.Б. Приемы историописания в исторических сочинениях Н.М. Карамзина: препринт WP19/2013/02. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 52 с. (Серия WP19 «Исторические исследования»).

[1] См. подробнее: Там же. С. 262-273.

8. Карамзин Н.М. Известие о Марфе Посаднице, взятое из жития св. Зосимы // Карамзин Н.М. Избранные сочинения: в 2 т. Т. 2. М.; Л.: Худож. лит., 1964. С. 227–331.

9. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. VI. М.: Наука, 1998. – 468 с.

10. Карамзин Н.М. Марфа-Посадница, или покорение Новагорода. Историческая повесть // Карамзин Н.М. Избранные сочинения: в 2 т. Т. 1. М.; Л.: Худож. лит., 1964. С. 680–728.

11. Ковалевский Е. Марфа Посадница, или Славянские жены. Историческая трагедия в пяти действиях в стихах. СПб.: Тип. Плюшара, 1832. 95 с.

12. Кошелев В.А. «И Марфы беспокойный ум…» Облик Марфы Посадницы в русской словесности // Новгородский край в русской литературе / отв. ред. В.А. Кошелев. Великий Новгород: Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2009. С. 372-396.

13. Лотман Ю.М. Эволюция мировоззрения Карамзина (1789–1803) // Лотман Ю.М. Карамзин. СПб.: Искусство–СПБ, 1997. С. 312–348.

14. Орлов П.А. История русской литературы XVIII века. М.: Высшая школа, 1991. – 320 с.

15. Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. Т. 1. М.; Л.: АН СССР, 1938. С. 225-392.

16. Рукавичникова В.В. История древнего Новгорода в русской литературе XVIII – первой трети XIX века: дис. … канд. филол. наук: 10.01.01. Великий Новгород, 2001. – 191 с.

17. Семенова А.В. «Российская история в поэмах М.М. Хераскова “Россияда”, “Владимир”, “Царь, или Спасенный Новгород”». Нур-Султан: б.и., 2021. – 218 с.

18. Синицына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. (XV-XVI вв.). М.: Индрик, 1998. – 416 с.

19. Сиренов А.В. Русское историописание XV-XVII вв.: в поисках «своей истории» // Нарративы руси конца XV – середины XVIII в.: в поисках своей истории / отв. сост., отв. ред. серии А.В. Доронин. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 59–79. (Post-Древняя Русь: у истоков наций Нового времени).

20. Тахо-Годи Е.А. О книге и ее задачах. Предисловие // Русская литература и философия: пути взаимодействия / отв. ред. и сост. Е.А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2018. С. 10–14. (Серия «Русская литература и философия: пути взаимодействия». Вып. 1).

21. Ткаченко В.В. Великий Новгород и его история глазами путешественников XVIII в. // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 2. С. 94-104.

22. Фризман Л.Г. Марфа Посадница в русской литературе // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2014. Т. 73. № 2. С. 20-33.

23. Фризман Л.Г. Тема Марфы Посадницы и драма Погодина // Погодин М.П. Марфа, Посадница Новгородская / изд. подгот. Л.Г. Фризман, К.В. Бондарь. М.: Наука, 2015. С. 255–347.

24. Херасков М.М. Царь, или Спасенный Новгород: стихотворная повесть. М.: Университетская типография, 1800. – 246 с.

25. Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV-XV вв. Очерки по социально-экономической и политической истории Руси. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. – 899 с.